

Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения

Под ред. А.Ю. Архипова, С.Г. Кирдиной и Е.М. Мартишина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему эволюционизм и институционализм, являясь самостоятельными направлениями в экономической теории, зачастую оказываются так близки между собой? ¹ Почему эволюционисты и институционалисты в экономике хорошо понимают друг друга, совместно обсуждают свои проблемы и проводят общие научные мероприятия? Почему и в этой книге результаты их исследований представлены под одной обложкой?

Во-первых, так сложилось исторически. Еще Т. Веблен, основоположник институционализма в экономике, рассматривал исследование институтов как необходимый элемент становления «экономической науки как эволюционной дисциплины». В 1898 г. он писал, что ««эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса»². Еще более определенно он писал об этом в другой своей работе «Теория праздного класса»: «Эволюция общественного устройства является процессом естественного отбора социальных институтов. ... Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие и господствующие типы отношений и духовную позицию, они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора³».

Действительно, один из первых известных нам авторов эволюционных идей британский философ Г. Спенсер понимал эволюцию как «изменение от

¹ С 2006 г. издательство «Дело» в России издает серию «Современная институционально-эволюционная теория», в которой публикуются переводы на русский язык наиболее интересных представителей как эволюционной, так и институциональной экономики.

² Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной (1898). В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006, с. 28.

³ Веблен Т. Теория праздного класса. М: Прогресс, 1984, с. 200.

неопределенной, безсвязной однородности к определенной, связанной разнородности через непрерывные дифференцирования»⁴, как движение к равновесию и гармонии. В обществе необходимая связанность достигается созданием институтов, в которых закрепляются правила более высокого порядка, чем конкуренция и естественный отбор, тех, что Ф.А. фон Хайек называл «механизмами общественного развития второго порядка»⁵, которые дополняют отбор и позволяют поддерживать разделяемый членами общества социальный порядок. Поэтому институциональная теория Веблена также называется эволюционной, и для него, как и Джона Коммонса, термин «эволюционный» был синонимичен термину «институциональный»⁶. Несомненно, что с тех пор оба подхода обогатились новыми самостоятельными идеями и результатами, но они по-прежнему сохраняют свою историческую взаимосвязь.

Во-вторых, эволюционизм и институционализм в экономической теории объединяет их противостояние мейнстриму, то есть неоклассическому направлению исследований. И хотя в ряде случаев имеют место преемственность и пересечения между этими тремя направлениями (прежде всего речь идет о так называемом неинституционализме, являющимся сегодня по сути новым разделом неоклассики), тем не менее, институциональная и эволюционная перспектива представляются более широкими, адекватными динамичной реальности и социально ориентированными, по сравнению с мейнстримом. По мнению некоторых ученых, уже можно даже говорить о победе объединенного эволюционно-институционального направления над мейнстримом в современной экономической теории⁷.

В-третьих - и это уже является особенностью российской экономической мысли, - современные эволюционные и институциональные исследования совместно формируют основу ренессанса системной парадигмы в экономических исследованиях, причем в ее динамической, самоорганизационной версии. Эволюционный и институциональный подход рассматриваются зачастую как необходимые и взаимосвязанные инструменты изучения самоорганизации экономических систем, что роднит их друг с другом. Теоретические соображения по

⁴ Spencer H. *Essays Scientific, Political and Speculative* (1852). N.Y.: D. Appleton and Company, 1982. P. 10

⁵ Hayek F. A. *Law, Legislation and Liberty*. L.: Routledge. 1982. Vol. 1. P. 9

⁶ Квашницкий В. *Истоки эволюционной экономики* (1996). В: *Истоки*. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006, с. 95

⁷ Roland G. *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms*. Cambridge, MA; London: The MIT Press. 2000.

этому поводу, равно как и приложения такого системного (самоорганизационного) подхода к анализу экономических процессов, также представлены в монографии.

Круг авторов монографии сформировался на основе работы 2-й Всероссийской школы молодых ученых по эволюционной и институциональной экономике, состоявшейся в г. Ростове-на-Дону в сентябре 2010 г. В качестве лекторов в работе школы участвовали ученые из г. Москвы и городов Южного федерального округа. Их работы, прошедшие редакторский отбор, составили основу книги. Если сначала речь шла лишь о сборнике, то в ходе работы выявились глубокие внутренние связи между авторскими статьями, что позволило подготовить единую и цельную, на наш взгляд, монографическую работу. Большинство авторов книги регулярно встречаются на различных научных мероприятиях, где вместе обсуждают результаты своих исследований. Они публикуются в одних и тех же экономических журналах и находятся в рамках постоянного взаимоприемлемого научного дискурса, что выражается в перекрестном цитировании работ друг друга и взаимном уважении к полученным коллегами результатам.

В то же время главы монографии отражают дискуссию между авторами по ряду актуальных вопросов эволюционной и институциональной теории, различные попытки применения развиваемых подходов к анализу конкретных экономических явлений и процессов, и это представит для читателя, по нашему мнению, особый интерес. Наконец, взаимосвязь работ выражена не только в тематическом и логическом соотнесении исследований, но также в том, что в совокупности они позволяют охарактеризовать современный уровень теоретических и прикладных (в широком смысле этого слова) исследований российских экономистов, не чуждых эволюционных и институциональных идей.

Структура монографии построена таким образом, чтобы на каждом из этих уровней – от теоретического и методологического до прикладного, – представить дискуссионные и взаимодополняющие точки зрения. Не пересказывая содержание отдельных глав – о нем достаточно полное представление дают развернутое оглавление книги и заключительное обобщение-резюме, – обратим внимание на эти дискутируемые моменты. Тем более хочется привлечь к ним внимание читателей, поскольку порой выявленные нами дискуссии носят неявный, латентный характер.

В первой части «Дискуссионные вопросы институциональной и эволюционной экономической теории» выделяются три основных контрапункта, или противостоящие друг другу сюжетные линии монографии.

Первый связан с оценкой развития институционального направления в экономической теории и вопросом о том, можно ли говорить о становлении институциональной парадигмы (аналогично тому, как это имеет место в отношении эволюционной парадигмы) или лишь о специализированной сфере исследований, имеющей своим объектом институты. Так, в открывающей монографию первой главе ее автор Г.Б. Клейнер определенно указывает на существование институциональной парадигмы, наряду с неоклассической и системной (последнюю он развивает в своей новой теории экономических систем), в экономической теории. В то же время во второй главе С.Г. Кирдина полагает, что многолетние исследования экономистов-институционалистов не привели к созданию особой парадигмы. Автор приводит аргументы в пользу того, что институты по-разному исследуются представителями основных научных школ экономической мысли и приверженцами отличающихся общенаучных парадигм.

Второй контрапункт связан с обсуждением вопроса о том, насколько применима эволюционная методология к анализу социально-экономической действительности. Могут ли общественные науки, к которым российская традиция относит и экономическую науку, быть эволюционными? Споря с авторами двух первых глав, не подвергающих сомнению значение эволюционной методологии в экономической теории, исследователь из Канады Г. Сандстром представляет свою отличную от них позицию. В четвертой главе, развивая тезисы своего доклада на 2-Всероссийской школе в г. Ростове-на-Дону, он отмечает недостаточность и ограниченность эволюционного подхода в экономической теории. Это выглядит непривычно для российского читателя, поскольку эволюционный подход с его пониманием неравновесности экономических процессов и более сложными моделями экономического поведения по сравнению с ортодоксальной неоклассикой воспринимается в большинстве случаев как «шаг вперед». Действительно ли эволюционный подход, сравнительно недавно применяемый российскими экономистами, уже не является современным? Об этом читатель сможет сам составить свое мнение, прочитав эту главу монографии.

Третий контрапункт, который мы обнаруживаем в первой части монографии, касается стратегии развития экономической науки в России. Одна из них, охарактеризованная автором пятой главы В.М. Полтеровичем как «градуалистская стратегия» интеграции в мировую науку, в качестве основной задачи нынешнего этапа видит освоение западных достижений и постепенное формирование собственной экономической школы, адаптирующей и развивающей эти достижения. Такую стратегию

реализуют, на наш взгляд, исследования автора третьей главы Б.А. Ерзнкяна, который развивает понятие индивидуальных предпочтений путем включения в рассмотрение также общественного восприятия индивидуальных предпочтений касательно тех или иных действий. С этой целью он предлагает нечеткую версию теоремы Коуза, используя математический инструментарий теории нечетких множеств. Другая стратегия развития экономической науки, которую можно назвать «прорывной стратегией», предполагает смещение акцентов с освоения и адаптации на создание альтернативных современному мейнстриму теоретических концепций, позволяющих полнее представить и исследовать особенности современной экономики и общества и развивая присущие российской экономической школе холизм и социальный характер. К этому мы видим призыв в четвертой главе, эту стратегию пытаются реализовать авторы первых двух глав.

Отмеченные дискуссионные позиции, как и те, о которых мы еще скажем, не носят, на наш взгляд, взаимоисключающего характера. Скорее, они дополняют друг друга, как в первой, так и в других частях монографии.

Вторая часть монографии «Эволюционный и институциональный подходы как методология социально-экономических исследований» имеет эпистемологический характер и представляет анализ эволюционных и институциональных методов исследования. Авторы раскрывают как формальное содержание этих методов, так и показывают их эвристические возможности.

Главы второй части монографии возвращают нас к одному из уже затронутых дискуссионных моментов, в частности, о границах применимости эволюционной методологии в социально-экономических исследованиях. Этот вопрос действительно, имеет право на существование. В дополнение к представленным в четвертой главе аргументам рассмотрим актуальную в данном случае эпистемологическую систему, предложенную в работах Грэга Хенрикеса из Университета Джеймса Мэдисона (США, Вирджиния)⁸. Он предлагает так называемое Дерево знаний (the Tree of Knowledge System), в котором соотносит, во-первых, виды объектов, во-вторых, изучающие их науки и, в-третьих, основные исследовательские стратегии. Хенрикес обособляет 4 вида объектов:

- 1) материально-физические (камни, звезды и т.п.);
- 2) органические (растения и раковины);

⁸ Henriques, G. The Tree of Knowledge System and the Theoretical Unification of Psychology / Review of General Psychology 2003, Vol. 7, No. 2., A new epistemological system P. 150–182.
<http://psychweb.cisat.jmu.edu/ToKSystem/index.htm> См. также Simine Vazire, Richard W. Robins (2004). Beyond the Justification Hypothesis: A Broader Theory of the Evolution of Self-Consciousness. Journal of Clinical Psychology. Special Issue, 1 (12). P. 1271-1273.

- 3) обладающие ментальностью (животные);
- 4) культурные (люди и группы людей).

Естественно, что каждая последующая группа объектов содержит в себе признаки предыдущей группы. Для изучения этих групп объектов в познании сложились свои способы исследования. Так, материальные объекты исследуются физическими науками на основе методов (квантовой) механики и теории относительности. Органические объекты – предмет изучения биологических наук, базирующихся сегодня на эволюционных теориях. Изучением объектов, имеющих ментальность, занимается психология на основе группы поведенческих теорий. Наконец, изучение людей как представителей культуры ведут социальные науки, в том числе экономика. Чем отличаются между собой эти группы объектов? По Хенрикесу, отличие состоит в появлении у каждой последующей группы новой информационной процессинговой системы. Так, в органических объектах появляется генетическая система передачи информации, в ментальных – нейронная, а в культурных – символическая. Поэтому и методы изучения названных групп объектов различаются.

Работы Хенрикеса, поддержанные многими авторами, свидетельствуют о том, что эволюционные теории являются явно недостаточным инструментом для понимания социально-экономических процессов. Тем не менее, авторы монографии полагают, что потенциал эволюционной методологии, даже если он и не является достаточным, в то же время далеко не исчерпан. Его возможности широко представлены в шестой главе. Автор главы Е.М. Мартишин, разбирая сложившийся в биологической эволюционной теории терминологический инструментарий, показывает возможности его использования при описании экономических явлений. В главе подчеркивается универалистский характер биологической эволюционной метафоры и обосновывается, что она существенно расширяет возможности экономических исследований. В девятой главе Е.М. Мартишин вместе со своим соавтором О.Е. Мартишиным показывает, как эта эволюционная метафора, напрямую заимствованная из биологических исследований, может быть применена к анализу мировых экономических циклов.

Что же касается других глав этой части монографии, то их авторы неявно спорят с тезисом универсальности биологической эволюционной метафоры. Они полагают, что при анализе социально-экономических явлений использования одной лишь эволюционной методологии оказывается недостаточно. Законы эволюции определяют лишь отдельные детерминанты экономического поведения, как пишут об этом в седьмой главе А.Ю. Архипов и Т.А. Зотова. Исследователи В.В. Вольчик и И.В. Бережной, развивая тему эволюции институтов в восьмой главе, подчеркивают социальную роль групп

специальных интересов в этом процессе. В десятой главе, завершающей вторую часть монографии, авторы Н.П. Кетова, В.Н. Овчинников и А.В. Щавинский пишут о важности социогенетики, где подчеркивается существование экономических субъектов в «созданном ими искусственном мире», отличном от мира животного, где действуют лишь законы биологической эволюции.

Подытоживая содержание второго раздела, констатируем, что проблема истины – основной проблемы в эпистемологии, вряд ли имеет окончательное решение. В эволюционных и институциональных исследованиях мы имеем лишь ряд относительных истин, или моделей познания социально-экономической действительности, предложенных авторами монографии и дополняющими друг друга.

Третья часть монографии содержит «Приложения эволюционного и системного (самоорганизационного) подходов к анализу экономики и рынков». Предваряя анализ этого раздела, приведем пространную цитату из работы Дж. Стиглица, которая в данном случае представляется нам весьма уместной. Еще в 1994 г. Стиглиц писал: «Конечно, если эволюционные силы «естественным образом» всегда ведут к желаемым результатам (что бы под этим ни имелось в виду), то задача экономиста довольно проста: наблюдать за процессом и комментировать его. Однако, будучи экономистами, мы призваны анализировать различные предлагаемые меры по изменению экономической политики и институтов. У нас есть теперь более совершенные инструменты анализа, и поэтому мы лучше подготовлены, чтобы в отношении тех или иных предлагаемых изменений задаться вопросом: «Каковы их последствия?» Пользуясь терминологией эволюционизма, мы можем спросить: «Какова вероятность выживаемости этих изменений?» Мы даже можем заняться социальной инженерией и задаться вопросом, можем ли мы создать такие институты или разработать реформы, которые наверняка обеспечат повышение благосостояния, или, снова прибегнув к терминологии эволюционизма, обладают хорошими показателями выживаемости?»⁹. Главы заключительного раздела монографии в значительной мере посвящены как раз ответам на такие вопросы.

В одних случаях ответы носят вполне конкретный характер. Так, в одиннадцатой главе, открывающей раздел, ее авторы В.И. Маевский и К.А. Зорин предлагают в число макропоказателей денежно-кредитной политики включить исследованный ими индекс соотношения темпов прироста денежной массы и темпов прироста ВВП. Проведенные авторами исследования эмпирически доказали, что на его основе можно оценивать и предсказывать устойчивость экономики, в частности, фондовых рынков. Другим приложением эволюционного подхода могут служить приведенные в следующей,

⁹ Stiglitz J. E. Whither Socialism? Cambridge, MA; London: The MIT Press. 1994. P. 277.

двенадцатой главе мероприятия по модернизации конкретной сферы экономики России. Основываясь на анализе эволюции институциональных изменений в аграрном секторе страны, О.С. Белокрылова и А.А. Бочков оценивают различную «приживаемость» предлагаемых мероприятий.

Как мы отмечали выше, развитие эволюционного и институционального подходов российскими исследователями выражается в становлении системной (самоорганизационной) парадигмы, выступающей их естественным продолжением. Если в двух первых главах монографии были представлены теоретические аргументы в пользу актуальности системной (самоорганизационной) парадигмы в исследованиях экономики, то две заключительные главы посвящены практическому применению соответствующих подходов.

В тринадцатой главе А.В. Плякин представляет модель хозяйственной системы, построенную на основе приложения идей системного (самоорганизационного) подхода. В ее структуре выделяются природно-хозяйственная подсистема, которая лишь функционирует, и экономическая подсистема, включающая совокупность организационно-экономических отношений и институтов и служащая генератором развития всей хозяйственной системы на основах самоорганизации.

В заключительной четырнадцатой главе Р.М. Качалов исследует категорию риска для российских предприятий. Инструментарий своих исследований он базирует, в частности, на методологии системно-интеграционной теории предприятия, развиваемой в рамках системной парадигмы в экономике и работах автора первой главы настоящей монографии Г. Б. Клейнера.

Завершая представление монографии читателю, отметим, что мы стремились к гармонии и логической связанности представленных в ней «пестрых глав». Хочется верить, что и наличие в монографии дискутируемых контрапунктов, как и сюжетных линий, композиционно связывающих теоретические, методологические и прикладные аспекты институциональной и эволюционной теории, достойно представляет многоголосую полифонию современного российского сообщества ученых, работающих в этой области.

И последнее – по списку, но не по значению: авторы посвящают свой труд Владимиру Ивановичу Маевскому, одному из авторов монографии, более многих других способствовавшему развитию эволюционно-институциональных исследований в России и отметившему в этом году свой юбилей.